

DVOJAZYČNÁ
KNIHA
PRO MÍRNĚ
POKROČILÉ ★★

Романтические новеллы

Александр Грин

Romantické novely

Pro výuku upravila Aljona Podlesnych

Dvojazyčná kniha

- zrcadlový český překlad
- komentáře k textu
- cvičení na porozumění a gramatiku

MP3

Povídky v ruštině namluvené rodilou mluvčí

edika.

Alexandr Grin

Романтические новеллы

Romantické novely

**Edika
Brno
2016**

Романтические новеллы

Romantické novely

Alexandr Grin

Úprava původního textu: Aljona Podlesnych

Překlad: Jana Hrčková

Odborná korektura: Olga Čermáková

Ilustrace: Aleš Čuma

Obálka: Martin Sodomka

Odpovědná redaktorka: Yulia Mamonova

Technický redaktor: Jiří Matoušek

CD nahráno v září 2015 v Brně ve Studiu 22

Režie a editace nahrávky: Sidera s.r.o.

Hudba: Studio 22

Ruský hlas: Yulia Mamonova, Alexej Volodin

Translation © Jana Hrčková, 2016

Objednávky knih:

www.albatrosmedia.cz

eshop@albatrosmedia.cz

bezplatná linka 800 555 513

ISBN 978-80-266-0881-3

Vydalo nakladatelství Edika v Brně roku 2016 ve společnosti Albatros Media a. s. se sídlem Na Pankráci 30, Praha 4. Číslo publikace 23 645.

© Albatros Media a. s. Všechna práva vyhrazena. Žádná část této publikace nesmí být kopírována a rozmnožována za účelem rozšiřování v jakékoli formě či jakýmkoli způsobem bez písemného souhlasu vydavatele.

1. vydání

ALBATROS MEDIA a.s.

Obsah

Předmluva	3
АЛЫЕ ПАРУСА – NACHOVÉ PLACHTY	5
1. Лонгрен – Longren	7
2. Ассоль – Assol	17
3. Грэй – Grey	37
4. Рассвет – Svítání	53
5. Накануне – V předvečer	65
6. Боевые приготовления – Wojové přípravy	75
7. Ассоль остаётся одна – Assol zůstává sama	87
8. Алый «Секрет» – Nachové Tajemství	93
ВОКРУГ СВЕТА – KOLEM SVĚTA	103
ЗЕЛЁНАЯ ЛАМПА – ZELENÁ LAMPA	117
Testové úlohy na porozumění	129
Klíč	139

Předmluva

Své první povídky napsal Alexandr Grin v roce 1906 ve věku 26 let. Ve svých knihách vytvořil svět veselých a odvážných lidí, nádhernou zemi plnou voňavých keřů a slunce. Zemi Grinlandii nevyskytující se na žádné mapě... Fantazie se tam prolíná s realitou a z roztodivných událostí se vám zatočí hlava jak po skleničce vína.

V této knížce je uvedena patrně nejznámější pohádková povídka Nachové plachty a dvě novely: Zelená lampa a Kolem světa.

V textu rovněž uvádíme průvodní odkazy a historické a zeměpisné vysvětlivky. Kromě toho je text doplněn objasněním některých frazeologismů, archaismů a poznámkami ohledně použité gramatiky a slovní zásoby a jejích specifík v porovnání s češtinou.

Významnou přílohou této knihy je audio nahrávka uvedených povídek čtená ruskou rodilou mluvčí.

АЛЫЕ ПАРУСА

NACHOVÉ PLACHTY

1. Лонгрэн

01 Лонгрэн десять лет прослужил матросом на морском судне, но пришло время покинуть службу.

Во время службы он редко приезжал домой. Но всегда уже издали он видел на пороге дома свою жену Мэри. Когда Лонгрэн показывался вдали, она до потери дыхания бежала к нему навстречу и всплёскивала руками.

Но в одно из редких возвращений домой Мэри его не встретила. Лонгрэн нашёл в своём доме детскую кроватку, а возле неё стояла взволнованная соседка.

– Три месяца я ухаживала за нею, – сказала она, – посмотри на свою дочь.

Лонгрэн наклонился и увидел восьмимесячное существо. Оно сосредоточенно смотрело на его длинную бороду. Затем он потупился, смахнул слезу и сел.

– Когда умерла Мэри? – спросил он.

Женщина рассказала печальную историю. Месяца три назад дела молодой матери были совсем плохи. Из денег, которые оставил Лонгрэн, половина ушла на лечение после трудных родов, на заботы о здоровье новорождённой. Мэри была вынуждена попросить в долг денег у Меннерса. Он держал трактир, лавку и считался состоятельным человеком.

От Менниса Мэри ушла ни с чем: молодая женщина рассказала, что он согласился дать денег, но требовал за это любви. И теперь Мэри пошла в город, чтобы заложить обручальное кольцо. Это было последнее, что у неё осталось из ценностей.

– У нас в доме нет ни крошки, – сказала она соседке. – Я схожу в город, и мы с девочкой перебьёмся как-нибудь до возвращения мужа.

до потэри дыхания (*fraz.*) – do posledního dechu

трактир – zastaralý název hospody nebo hostince nevalné úrovně

1. Longren

Longren sloužil deset let jako námořník na lodi, ale najednou nastal čas zanechat služby.

Během služby jen málokdy zajížděl domů. Vždy však již z dálky viděl na prahu domu svou ženu Mary. Když se Longren objevil v dáli, se zalknutým dechem mu běžela vstříc a tleskala rukama.

Při jednom ze vzácných návratů domů ho však Mary nevíkala. Longren našel ve svém domě dětskou postýlku a vedle ní stála rozrušená sousedka.

„Tři měsíce se o ni starám,“ řekla „podívej se na svou dceru.“

Longren se sklonil a uviděl osmiměsíční bytot. Soustředěně se dívala na jeho dlouhé vousy. Poté sklonil hlavu, setřel si slzu a posadil se.

„Kdy zemřela Mary?“ zeptal se.

Žena mu vyprávěla smutný příběh. Asi tak před třemi měsíci se mladé matce dařilo velmi špatně. Z peněz, které jí Longren zanechal, polovina padla za léčbu po těžkém porodu a za péči o zdraví novorozeněte. Mary byla nucena poprosit o půjčku Mennerse. Vlastnil hospodu a hokynářství a byl považován za majetného člověka.

Od Mennerse odešla Mary s nepořízenou: mladá žena vyprávěla, že souhlasil s tím, že jí dá peníze, leč za to žádal lásku. A nyní se Mary vydala do města, aby zastavila snubní prsten. Bylo to poslední, co jí ještě zbylo z cenností.

„Nemáme doma ani kůrku,“ řekla sousedce. „Zajdu do města a nějak se s holčičkou protlučeme, než se muž vrátí.“

Slovo **судно** můžeme použít pro označení různých druhů dopravních prostředků, obvykle vodních:

морское судно – loď, koráb

парусное судно – plachetnice

торговое судно – obchodní loď

грузовое судно – nákladní loď

воздушное судно – letadlo

В этот вечер была холодная, ветреная погода. Соседка напрасно уговаривала молодую женщину никуда не ходить в ночи: «Начинается дождь, Мэри, а ветер, того и гляди, принесёт ливень».

Туда и обратно от приморской деревни Каперна в город было около трёх часов ходьбы, но Мэри не послушалась советов. «Хватит уже надоедать вам, – сказала она, – и так уже нет ни одной семьи, где я не взяла бы в долг хлеба, чаю или муки. Заложу колечко, и кончено». Она сходила, вернулась, а на другой день слегла в жару и бреду.

Непогода и вечерняя изморось сразили её двухсторонним воспалением лёгких, как сказал городской врач. Через неделю Мэри умерла, а соседка переселилась в его дом нянчить и кормить девочку. Ей, одинокой вдове, это было не трудно.

Лонгрэн поехал в город, взял расчёт, простился с товарищами и стал растить маленькую Ассоль. Пока девочка не научилась твёрдо ходить, вдова жила у матроса. Она заменяла сиротке мать. Но вскоре, когда девочка стала уверенно ходить, Лонгрэн решительно объявил, что теперь он будет сам всё делать для девочки. Он поблагодарил вдову за сочувствие и помощь и отпустил её. Теперь Лонгрэн стал жить одинокой жизнью вдовца и сосредоточил все мысли, надежды, любовь и воспоминания на маленьком существе.

Десять лет скитальческой жизни оставили в его руках очень немного денег. Он стал работать. Скоро в городских магазинах появились его игрушки – искусно сделанные маленькие модели лодок, катеров, однопалубных и двухпалубных парусников, крейсеров, пароходов. Одним словом, он делал то, что близко знал, и это творчество отчасти заменило ему грохот портовой жизни и живописный труд плаваний. Этим способом Лонгрэн добывал столько, чтобы жить в рамках умеренной экономии. Малообщительный по натуре, после смерти жены он стал ещё более замкнутым и нелюдимым. По праздникам его иногда видели в трактире, но он всегда лишь торопливо выпивал за стойкой стакан водки и уходил.

того и гляди (фраз.) – frazeologismus označující možnost nečekaného děje; z ničehonic; než se naděješ

взять расчёт (фраз.) – odejít z práce, dát výpověď

Toho večera bylo studené, větrné počasí. Marně sousedka přemlouvala mladou ženu, aby nikam nechodila tak na noc: „Poprchává, Mary, podívej, jaký je vítr, každou chvíli se může spustit liják.“

Z přímořské vesnice Kaperna do města a zpět to byly dobré tři hodiny chůze, ale Mary rady neposlechla. „Už vás nesmíme dál otravovat,“ řekla „stejně už není jediná rodina, ve které bych si nevzala na dluh chléb, čaj nebo mouku. Zastavím prstýnek a bude to.“ Šla, vrátila se a druhého dne ulehla v horečkách a s blouzněním.

Nečas a večerní ledové mrholení ji udolaly oboustranným zápalem plic, jak řekl lékař z města. Za týden Mary zemřela a sousedka se přestěhovala do jejich domu, aby se postarala o holčičku. Pro ni, osamělou vdovu, to nebylo zatěžko.

Longren odjel do města, nechal se vyplatit, rozloučil se s kamarády a začal se starat o malou Assol. Dokud se děvčátko nenaучilo pořádně chodit, bydlela vdova u námořníka. Nahrazovala sirotě matku. Brzy však, jakmile začala holčička chodit s jistotou, Longren rozhodně prohlásil, že odtěd bude pro holčičku dělat všechno sám. Poděkoval vdově za soucit i pomoc a propustil ji. Nyní Longren žil osamělým životem vdovce a soustředil veškeré myšlenky, naděje, lásku a vzpomínky na drobnou bytost.

Deset let tuláckého života mu v rukách zanechalo velmi málo peněz. Pustil se tedy do práce. Brzy se v městských obchodech objevily jeho hračky – zručně udělané malé modely lodí, člunů, plachetnic s jednou i se dvěma palubami, křížníků, parníků. Zkrátka, dělal to, co důvěrně znal a tato tvorba mu zčásti nahradila rušný život přístavů a malebné povolání námořníka. Tímto způsobem Longren vydělával přesně tolik, aby mohl žít v rámci mírného šetření. Odjakživa málomluvný se po smrti své ženy stal ještě uzavřenější a nespolečenštější. O svátcích býval občas viděn v hospodě, avšak vždy jen spěšně vypil u výčepu skleničku vodky a odcházel.

Pokud nevíme některé údaje přesně, můžeme to v ruštině vyjádřit několika způsoby, např. pomocí příslovčí **примерно**, **около**, **приблизительно**, která se pojí s výrazem ve 2. pádě, anebo pomocí slova **где-то** (*hov.*), které vyžaduje následující výraz v 1. pádě. Srovnejte:

От деревни Каперна в город было *около трёх часов* ходьбы.

От деревни Каперна в город было *где-то три часа* ходьбы.

Гостей он не выносил, да и сам он тоже не посещал никого; таким образом, между ним и людьми возникло холодное отчуждение. Только работа Лонгрена – создание игрушек – не давала ему возможности жить совсем без общения. Лонгрэн делал также сам всю домашнюю работу и терпеливо изучал несвойственное мужчине сложное искусство заботы о девочке.

Ассоль было уже пять лет, и отец начинал всё мягче и мягче улыбаться, когда смотрел на её доброе личико. Она часто сидела у него на коленях и забавно напевала матросские песни. В это время произошло событие, тень которого упала на отца, но укрыла и дочь.

Была ранняя весна, было холодно почти так же, как зимой. Рыбачьи лодки стояли в ряд на берегу. Никто не отваживался заняться промыслом в такую погоду. На единственной улице деревушки редко можно было увидеть человека, который бы вышел из дома. Кругом носился холодный ледяной вихрь.

Но в эти дни Лонгрэну приходилось часто выбираться из его маленького тёплого дома. Он выходил на мостик, подолгу курил трубку и смотрел на шторм. Море дымилось седой пеной, грохочущие волны неслись к чёрному штормовому горизонту. Стоны, шумы, грохот воды и сильный ветер как будто лечили Лонгрена. Его душа была сильно измучена, и море притупляло его боль и смягчало горе.

В один из таких дней двенадцатилетний сын того самого Меннерса заметил, что отцовская лодка бьётся под мостиком о сваи и ломает борта. Хин (так звали мальчика) поторопился сказать об этом отцу. Меннерс немедленно отправился к воде, где увидел на мостике Лонгрена. Он стоял к нему спиной и курил. Больше на берегу не было ни души. Меннерс спустился в воду, которая бешено плескалась, и отвязал крепление лодки. Затем он залез в лодку, но неожиданно мощный удар ветра швырнул лодку в сторону океана. Ветер и волны раскачивали лодку и несли её в гибельный простор.

ни души (*fraz.*) – ani živáčka, živé duše

сидеть на коленях корó, чьих (*fraz.*) – sedět někomu na klíně

Hosty nemohl vystát, sám rovněž nenavštěvoval nikoho; a tak mezi ním a lidmi vzniklo chladné odcizení. Pouze jeho práce – výroba hraček – nedovolovala Longrenovi žít zcela bez kontaktů. Longren také zastal sám veškeré domácí práce a trpělivě vnikal do muži tolik vzdáleného, složitého umění, jak pečovat o holčičku.

Assol už bylo pět let a otec se začínal stále něžněji a něžněji usmívat při pohledu na její dobráckou tvářičku. Často mu seděla na klíně a komicky si propěvovala námořnické písně. Tehdy došlo k události, jejíž stín padl na otce, leč zastřel i dceru.

Bylo časné jaro, chladno bylo skoro stejně jako v zimě. Rybářské čluny stály vyrovnané na břehu. Za takového počasí si na rybolov nikdo netroufal. Na jediné ulici ve vesničce jen zřídkakdy možné uvidět člověka, který by vyšel z domu. Kolem fičel severák.

Avšak v těchto dnech Longren často vycházel ze svého vyhřátého domku. Šel na můstek, dlouho pokuřoval dýmku a pozoroval bouři. Moře kypělo šedivou pěnou, burácející vlny letěly střemhlav k černému bouřlivému obzoru. To sténání a šumy, rachot vody a vichr Longrena jako by uzdravovaly. Jeho duše byla ztrýzněna a moře jeho bolest otupovalo a ulevovalo hoři.

Za jednoho takového dne si dvanáctiletý syn onoho Mennerse všiml, že se otčův člun tluče pod můstkem o piloty a otlouká si boky. Chin (tak se chlapec jmenoval) spěchal o tom spravit svého otce. Menners se okamžitě vydal k vodě, kde spatřil na můstku Longrena. Stál k němu zády a kouřil. Víc na břehu nebyla živá duše. Menners sestoupil do zběsile se pleskající vody a odvázal kotevní lano člunu. Pak vlezl do loďky, nečekaně však mohutný poryv větru mrštíl člunem směrem k oceánu. Vítr a vlny houřily s loďkou a unášely ji do smrtícího prostoru.

Při tvoření **složených podstatných a přídavných jmen**, jejichž součástí je číslovka, je důležité si pamatovat, že:

– taková slova se vždy píší dohromady,

– číslovka se píše ve tvaru 2. pádu: *пятилетие (пять лет), двенадцатилетний (двенадцати лет)*.

Výjimku tvoří dvě slova – *сто* a *девяносто*, která se vždy píší s O: *столетие, девяностоградусный*.

Меннерс быстро осознал своё опасное положение и хотел броситься в воду, чтобы плыть к берегу. Но было поздно, так как лодка унеслась уже далеко от берега, и он мог погибнуть.

Расстояние между Лонгреном и Меннерсом было не больше десяти сажень, а на мостике прямо под рукой у Лонгрена висел свёрток каната. Он как раз висел на случай шторма, и его бросали с мостика, чтобы помочь в непредвиденных ситуациях.

– Лонгрэн! – закричал смертельно перепуганный Меннерс. – Что же ты встал как пень? Видишь, меня уносит? Помоги, брось канат!

Лонгрэн молчал и спокойно смотрел на Меннерса, который метался в лодке. Только трубка его задымила сильнее – он помедлил и вынул её изо рта, чтобы лучше видеть происходящее.

– Лонгрэн! – взывал Меннерс. – Ты ведь слышишь меня, я погибаю, спаси!

Но Лонгрэн не сказал ему ни одного слова; казалось, он не слышал отчаянного вопля. Меннерс рыдал от ужаса, заклинал матроса бежать к рыбакам, позвать помощь, обещал деньги, угрожал и сыпал проклятиями. Но Лонгрэн только подошёл ближе к самому краю мола, чтобы как можно дольше видеть скачущую по волнам лодку и силуэт Меннерса в ней.

«Лонгрэн, – донеслось к нему глухо, – спаси!» Тогда, громко и отчётливо, чтобы не потерялось в ветре ни одного слова, Лонгрэн крикнул:

– Она так же просила тебя! Думай об этом, пока ещё жив, Меннерс, и не забудь!

Тогда крики умолкли и Лонгрэн пошёл домой. Ассоль проснулась и увидела, что отец сидит перед угасающей лампой в глубокой задумчивости. Лонгрэн услышал голос девочки, подошёл к ней, крепко поцеловал и прикрыл одеялом.

– Спи, милая, – сказал он, – до утра ещё далеко.

– Что ты делаешь?

– Чёрную игрушку я сделал, Ассоль, – спи!

са́жень – historická ruská jednotka měření vzdálenosti, která se rovná 2,1336 m

встать как пень (*fraz.*) – zůstat nechápavě stát, nehybně a nezúčastněně stát; co stojíš, jak pářez

Menners si rychle uvědomil nebezpečí situace a chtěl se vrhnout do vody, aby doplaval ke břehu. Bylo však pozdě, protože lodku to už odneslo daleko od břehu a on by mohl zahynout.

Vzdálenost mezi Longrenem a Mennersem byla nanejvýš deset sáhů a na můstku Longrenovi přímo na dosah viselo svinuté lano. Viselo zde proto, aby jej za bouře házeli z můstku pro pomoc v nepředvídatelných situacích.

„Longrene!“ zakřičel k smrti vyděšený Menners. „Co stojíš jak pařez? Vidíš, že mě to unáší? Pomoz mi, hoď mi lano!“

Longren mlčel a klidně se díval na Mennerse, který se zmítal v loďce. Jen jeho dýmka zabafala silněji – zaváhal a vyndal si ji z úst, aby mohl lépe sledovat, co se děje.

„Longrene!“ kvílel Menners. „Přece mě slyšíš, jde mi o život, zachraň mě!“

Longren mu však neodpověděl jediným slovem; zdálo se, že ten zoufalý nárek neslyšel. Menners vzlykal hrůzou, zapřísahal námořníka, aby běžel pro rybáře a přivolal pomoc, sliboval mu peníze, vyhrožoval a zasypával ho kletbami. Ale Longren jen přistoupil blíž těsně ke kraji mola, aby co možná nejdéle viděl po vlnách poskakující člun a siluetu Mennerse v něm.

„Longrene,“ dolehlo k němu zastřené, „zachraň mě!“ Tehdy nahlas a zřetelně, aby se ve větru neztratilo ani jediné slovo, Longren zvolal: „Ona tě také tak prosila! Mysli na to, dokud jsi ještě naživu, Mennersi, a nezapomeň!“

Výkřiky utichly a Longren odešel domů. Assol se probudila a spatřila otce, jak sedí v hlubokém zadumání u hasnoucí lampy. Longren uslyšel hlas děvčátka, přistoupil k němu, pevně je políbil a přikryl příkrývkou.

„Spi, miláčku,“ řekl, „do rána je ještě daleko.“

„A co děláš?“

„Udělal jsem černou hračku, Assol, spi!“

Jsou-li v ruské účelové větě oba činitelé stejní, ve vedlejší větě, na rozdíl od češtiny, použijeme infinitiv. Srovnejte:

Мэннерс хотёл броситься в воду, чтобы *плыть* к берегу.

Menners se chtěl vrhnout do vody, aby *doplaval* ke břehu.

На другой день все разговоры жителей Каперны были только о пропавшем Меннерсе, а на шестой день привезли его самого. Его рассказ быстро облетел окрестные деревушки. До вечера носило по морю Меннерса. Страшные свирепые волны ещё долго швыряли лодку. Но он чудом спасся: Меннерса подобрал пароход.

Простуда и душевное потрясение сократили дни Меннерса. Он прожил около сорока восьми часов, и на протяжении всего этого времени он проклинал Лонгрена и призывал к нему все бедствия, которые только возможны на земле.

Рассказ Меннерса о том, как матрос следил за его гибелью и отказал в помощи, поразил жителей деревушки. Эмоции умирающего были усилены тем, что он дышал с трудом и стонал. Мало кто из жителей деревни помнил то оскорбление, которое нанёс Меннерс покойной жене Лонгрена. Никто не знал, насколько тяжело горе, которое перенёс Лонгрэн, никто не знал, что он горевал до конца жизни о Мэри...

Людям было непонятно, почему Лонгрэн ничего не сделал, чтобы помочь Меннерсу. Лонгрэн стоял неподвижно, строго и тихо, как судья, который показывает глубокое презрение к Меннерсу. Это молчание было большее, чем ненависть, и все это чувствовали. Если бы он кричал, выражал жестаи злорадство, своё торжество при виде отчаяния Меннерса, рыбаки поняли бы его.

Но он поступил иначе, чем поступали они: он поступил внушительно, непонятно, и этим поставил себя выше других. Словом, он сделал то, чего не прощают. Никто больше не здоровался с ним, не протягивал руки, не приветствовал ни взглядом, ни словом. Мальчишки кричали ему вдогонку: «Лонгрэн утопил Меннерса!». Он не обращал на это внимания. Так же, казалось, он не замечал и того, что в трактире рыбаки умолкали в его присутствии, отходили в сторону. Случай с Меннерсом закрепил отчуждение, которое превратилось в прочную взаимную ненависть. А тень её пала и на Ассоль.

Zvratná částice se v ruštině vyskytuje ve tvarech -сь а -ся. Vždy stojí za slovesem а příše se dohromady. Končí-li slovesný tvar na samohlásku, používá se zvratná částice -сь. V případě, že slovo končí na souhlásku, pak se přidá -ся:

спасти – спастись

спаc – спаcсь

целовать – целоватьсь

целова́ли – целова́лись

Druhého dne obyvatelé Kaperny nemluvili o ničem jiném než o zmizelém Mennerse, šestého dne ho přivezli samotného. Jeho příběh bleskurychle oblétl okolní vísky. Moře Mennerse nepouštělo do večera. Strašlivé sverpé vlny ještě dlouho pohazovaly člunem. Jako zázrakem se však zachránil: Mennerse sebral parník.

Nastuzení a duševní otřes zkrátily Mennerovy dny. Žil ještě asi čtyřicet osm hodin a po celou tu dobu proklínal Longrena, svoláváje na něj všechna neštěstí, jaká jen na zemi mohou být.

Vyprávění Mennerse o tom, jak námořník sledoval jeho záhubu a odmítl mu jakoukoliv pomoc, obyvatele vesničky hluboce zasáhlo. Emoce umírajícího byly posíleny tím, že lupal po dechu a sténal. Málokdo z obyvatel vesnice si pamatoval tu těžkou urážku, kterou Menner uštědřil nebožce Longrenově ženě. Nikdo nevěděl, jak velké je hoře, jež Longren přestál, nikdo netušil, že až do konce svého života tesknil po Mary...

Lidé nechápali, proč Longrem nic neudělal, aby pomohl Mennerovi. Longren stál nehybně, přísně a tiše jako soudce, který dává Mennerovi najevo hluboké opovržení. Toto mlčení bylo víc než nenávisť a všichni to cítili. Kdyby křičel, gesty vyjadřoval škodolibost, svůj triumf při pohledu na Mennerovo zoufalství, rybáři by ho pochopili.

On se však zachoval jinak než oni: zachoval se působivě, nepochopitelně a tím sám sebe pozdvihl nad ostatní. Zkrátka, učinil to, co se neodpouští. Nikdo ho více nezdravil, žádný mu nepodal ruku, nikdo ho nevítal ani pohledem, ani slovem. Kluci za ním pokřikovali: „Longren utopil Mennerse!“ Nevšímal si toho. Stejně tak, zdálo se, si nevšímal toho, jak v hospodě rybáři v jeho přítomnosti zmlkli a ustupovali na stranu. Případ s Mennerem upevnil odcizení, které se přeměnilo v pevnou vzájemnou nenávisť. A její stín dopadl i na Assol.

Významy zvrtného a odpovídajícího nezvrtného slovesa často korespondují mezi sebou, např. купать – купаться (*koupat – koupat se*), обнимать – обниматься (*objímat – objímat se*), одевать – одеваться (*oblékat – oblékat se*).

Občas ale slovesa mají odlišný význam:

прощать (*odpouštět*) – прощаться (*loučit se*)

разбирать (*rozebírat*) – разбираться (*vyznat se*)

02

2. Ассоль

Девочка росла без подруг. В деревушке жило два-три десятка детей её возраста, но эти дети вычеркнули маленькую Ассоль из своего внимания. Совершилось это постепенно, путём внушения и окриков взрослых и вскоре приобрело характер страшного запрета. А затем превратилось в детских умах в страх к дому матроса.

Про матроса говаривали, что он где-то кого-то убил, поэтому его больше не берут служить на суда, что он мрачен и нелюдим, потому что терзается угрызениями совести. Дети гнали Ассоль, если она приближалась к ним, швыряли грязью и дразнили тем, что будто отец её ел человеческое мясо, а теперь делает фальшивые деньги. Её наивные попытки к сближению оканчивались горьким плачем, синяками, царапинами и другими проявлениями общественного мнения.

Она перестала, наконец, оскорбляться, но всё ещё иногда спрашивала отца: – «Скажи, почему нас не любят?» – «Э, Ассоль, – говорил Лонгрэн, – разве они умеют любить? Надо уметь любить, а они-то этого не могут». – «Как это – уметь?» – «А вот так!» Он брал девочку на руки и крепко целовал её грустные глаза, а Ассоль жмурилась от нежного удовольствия.

По вечерам или в праздник отец с трубкой в зубах садился отдохнуть. И тогда Ассоль забиралась к нему на колени, трогала различные части игрушек и расспрашивала об их назначении. Так начиналась своеобразная фантастическая лекция о жизни и людях – лекция, в которой диковинным, поразительным и необыкновенным событиям отводилось главное место. Лонгрэн рассказывал ей о людях, которые потерпели крушение, одичали и разучились говорить, о таинственных кладах, о бунтах каторжников и многом другом.

Přibližné údaje se v ruštině často vyjadřují spojením mezních údajů spojovníkem:

В деревушке жило два-три десятка детей её возраста.

Ve vesnici žilo kolem dvaceti – třiceti dětí jejího věku.

2. Assol

Holčička vyrůstala bez kamarádek. Ve vesničce žilo kolem dvaceti – třiceti dětí jejího věku, tyto děti ale vyškrtly malou Assol ze své pozornosti. Stalo se to postupně, díky přesvědčování a okřikování dospělých, a brzy získalo povahu kategorického zákazu. A následně v dětských hlavách vybuchel strach před námořníkovým domem.

O námořníkovi se říkalo, že někde někoho zabil, proto ho již neberou do služby na loď, že je zachmuřený a nevlídný proto, že má výčitky svědomí. Děti odháněly Assol, když se k nim přiblížila, házely po ní blátem a pošklebovaly se jí, že její otec prý jedl lidské maso a teď tiskne falešné peníze. Její naivní pokusy se sblížit končily hořkým pláčem, modřinami, škrábanci a dalšími projevy veřejného mínění.

Nakonec se jí urážky přestaly dotýkat, ale občas se přece jen ptávala otce: „Řekni, proč nás nikdo nemá rád?“ – „Ach, Assol,“ říkával Longren, „copak oni to umějí? Mít rád – to se musí umět, a to oni nemohou.“ – „Jak to – umět?“ – „Takhle!“ Bral si holčičku na ruce a pevně ji líbal na smutné oči a Assol je něžnou spojeností mhouřila.

Po večerech nebo o svátcích si otec s dýmkou v zubech sedal, aby si odpočinul. A tehdy se mu Assol vyšplhala na kolena, dotýkala se různých částí hraček a vypyťovala se na jejich účel. Tak začínala svérázná fantastická přednáška o životě a lidech – přednáška, v níž podivuhodným, překvapivým a neobvyklým událostem bylo přiděleno hlavní místo. Longren jí vyprávěl o lidech, kteří ztroskotali, zdivočeli a zapomněli řeč, o tajuplných pokladech, o vzpouřách galejníků a o spoustě dalších věcí.

Ріпрона **-ушк-**(-юшк-, varianta přípony po měkké souhlásce) se používá pro vyjádření zdobnělin:

деревня – деревушка

дядя – дядюшка

пóле – пóлюшко

Tato přípona se často používá pro tvoření zdobnělin jmen:

А́нна – А́ннушка

Лю́ба – Лю́бушка

Лонгрен только подошёл ближе к самому краю мола, чтобы как можно дольше видеть скачущую по волнам лодку и силуэт Меннерса в ней.

По вечерам Ассоль забиралась к отцу на колени, трогала различные части игрушек и расспрашивала об их назначении.

Девочка слушала отца внимательнее, чем, может быть, слушался в первый раз рассказ Колумба о новом материке. – «Ну, говори ещё», – просила Ассоль, когда Лонгрэн задумывался и умолкал. А потом она засыпала на его груди с головой, полной чудесных снов.

Также ей очень нравилось, когда в доме появлялся приказчик городской игрушечной лавки, который охотно покупал работы Лонгрена. Чтобы задобрить отца и выторговать лучшую цену, приказчик захватывал с собой для девочки пару яблок, сладкий пирожок, горсть орехов.

Лонгрэн обычно просил настоящую стоимость из нелюбви к торгу, а приказчик сбавлял. Кончалось всё тем, что вид довольной девочки, которая аппетитно поела яблоко, лишала Лонгрена стойкости и охоты спорить. Он уступал. А приказчик набивал корзину превосходными, прочными игрушками, уходил и посмеивался в усы.

Всю работу по дому Лонгрэн делал сам: колол дрова, носил воду, топил печь, стирал, гладил бельё и, кроме всего этого, успевал зарабатывать. Когда Ассоль исполнилось восемь лет, отец выучил её писать и читать. Он стал изредка брать её с собой в город, а затем посылать одну, если нужно было отнести товар. Это случалось нечасто, потому что дорога к городу шла лесом. А в лесу многое может напугать детей. Поэтому только в хорошие дни, утром, Лонгрэн отпускал её в город.

Однажды, в середине такого путешествия к городу, девочка присела у дороги съесть кусок пирога, который отец положил ей в корзинку на завтрак. Она перебирала игрушки; из них две-три оказались новинкой для неё: Лонгрэн сделал их ночью. Одна такая новинка была миниатюрной яхтой с алыми парусами. Видимо, отец не нашёл подходящего материала для паруса и использовал, что было: лоскутки алого шёлка. Ассоль пришла в восхищение. Пламенный весёлый цвет так ярко горел в её руке, как будто она держала огонь. Дорогу пересекал ручей с переброшенным через него мостиком; ручей справа и слева уходил в лес.

Slovo **сам** v ruštině má význam „vlastními silami, bez cizí pomoci“.

Всю работу по дому Лонгрэн делал сам.

Všechny domácí práce zastal Longren sám.

Českému „sám“ („bez doprovodu, o samotě“) odpovídá ruské **один**:

Мальчик остался один дома.

Chlapec zůstal sám doma.

Děvčátko naslouchalo otci možná pozorněji, než byl snad poprvé vyslechnut Kolumbův příběh o novém světě. – „Ještě mi něco povídej,“ prosila Assol, když Longren v zamyšlení umlkal. A pak usínala na jeho prsou s hlavou plnou čarovných snů.

Také se jí velmi líbilo, když se v domě objevoval příručí z hračkářského obchodu ve městě, který ochotně nakupoval Longrenovu práci. Aby si naklonil otce a usmlouval lepší cenu, bral příručí s sebou pro holčičku pár jablek, sladký koláček, hrst ořechů.

Longren obvykle žádal skutečnou cenu, protože nerad smlouval, a příručí ji strhával. Vše končilo tím, že při pohledu na spokojenou holčičku, která pojídala jablko, se Longren nechtěl hádat a vzdal se. Ustoupil. A příručí si po okraj nacpal koš vynikajícími a solidně vyrobenými hračkami, odcházel a mazaně se smál pod vousy.

Všechny domácí práce zastal Longren sám: štípal dříví, nosil vodu, roztápel v kamnech, vařil, pral, žehlil a ještě stíhal vydělávat. Když bylo Assol osm let, otec ji naučil číst a psát. Začal ji občas brát s sebou do města a poté ji posílal samotnou, bylo-li nutné odnést zboží. Nestávalo se to často, protože cesta k městu vedla přes les. Proto pouze za pěkných dnů, ráno, ji Longren pouštěl do města.

Jednou, v polovině takové cesty do města, se dívenka posadila u cesty, aby si snědla kousek koláče, který jí otec dal do košíku na svačinu. Probírala se v hračkách; dvě nebo tři dosud neznala: Longren je udělal v noci. Jedna taková novinka byla miniaturní jachta s nachovými plachtami. Otec zřejmě nenašel vhodnou látku pro plachty a použil, co bylo: ústřížky nachového hedvábí. Assol byla okouzlena. Plamenná jásavá barva jí tak jasně hořela v ruce, jako by držela oheň. Pěšinou protékal potok překlenutý můstkem; potůček zleva a zprava mířil do lesa.

Zapamatujte si, že po číslovkách 2, 3, 4 a zájmenu *оба(обе)* se počítaný předmět pojí ve tvaru 2. pádu jednotného čísla. Po ostatních číslovkách (5 a více) má počítaný předmět tvar 2. pádu množného čísla. V případě složených číslovek rozhoduje poslední číslovka:

четыре столá, дэвочки, часá, гóда

вóсемь столóв, дэвочек, часóв, лет

двáдцать два столá, **двáдцать две** дэвочки, часá, гóда

«Если я спущу её на воду поплавать немного, – размышляла Ассоль, – она ведь не промокнет, я её потом вытру». Она отошла в лес за мостик, по течению ручья, и осторожно спустила судно на воду у самого берега. Паруса тотчас сверкнули алым отражением в прозрачной воде. «Ты откуда приехал, капитан? – важно спросила Ассоль воображённое лицо и ответила сама себе: – Я приехал, приехал... приехал я из Китая. – А что ты привёз? – Что привёз, о том не скажу. – Ах, ты так, капитан! Ну, тогда я тебя посажу обратно в корзину».

Вдруг яхта, как настоящая, полным ходом покинула берег и ровно поплыла вниз. Мгновенно ручей показался девочке огромной рекой, а яхта – далёким, большим судном, к которому она протягивала руки. «Капитан испугался», – подумала она и побежала за улывающей игрушкой. Девочка поспешно тащила не тяжёлую, но мешающую корзину и твердила: – «Ах, господи! Ведь случись же...». Она старалась не терять из вида красивый треугольник парусов, который плавно убегал. Она спотыкалась, падала и снова бежала.

Ассоль никогда не бывала так далеко в лесу. Она была поглощена желанием поймать игрушку и не смотрела по сторонам. Ассоль почти потеряла из вида алое сверкание парусов, но снова увидела, как они степенно и неуклонно бегут прочь. Она оглянулась, и громада пёстрых лесных деревьев глубоко поразила девочку. На мгновение Ассоль испугалась, но вспомнила вновь об игрушке, несколько раз выпустила глубокое «ф-ф-у-уу» и побежала изо всех сил.

В такой безуспешной и тревожной погоне прошло около часу. Вдруг с удивлением, но и с облегчением Ассоль увидела, что деревья впереди свободно раздвинулись. Перед ней сверкал синий разлив моря, облака и край жёлтого песчаного обрыва, на который она выбежала.

V ruštině jsou hodně oblíbené **infinitivní vazby**. Používají se např. po slovesech pohybu:

Если я **спущу** её на воду **поплавать** немного, она ведь не промокнет, я её потом вытру.

Jestli ji pustím po vodě, aby si chvíli zaplavala, přece se nepromáčí a já ji pak utřu.

„Jestli ji pustím po vodě, aby si chvilku zaplavala,“ přemítala Assol, „přece se nepromáčí a já ji pak utřu.“ Zašla do lesa za můstek, po proudu potoka, a těsně u břehu opatrně spustila plavidlo na hladinu. Plachty se v průzračné vodě ihned zatřpytily nachovým odleskem. „Odkud jste připlul, kapitáne?“ vážným hlasem se zeptala Assol vyfantazírované osoby a sama si odpověděla: „Přijel jsem... přijel... přijel jsem z Číny.“ „A co jsi přivezl?“ „Co jsem přivezl, to ti nepovím.“ „Ach ty tak, kapitáne! No tak to tedy půjdeš zpátky do košíku.“

Najednou se jachta, jako opravdové plavilo, zprudka odrazila od břehu a vyplula po proudu. Potok teď holčičce připadal jako ohromná řeka a jachta jako mohutná zaoceánská loď, k níž vztahovala ruce. „Kapitán se poplašil,“ pomyslela si a rozběhla se za odplouvající hračkou. Holčička spěšně vlekla sice ne těžký, ale překážející koš a opakovala si: „Ach bože! Jen aby se nic nestalo...“ Snažila se, aby neztratila z dohledu krásné trojúhelníkové plachty, které před ní plavně unikaly. Klopýtala, padala a znovu běžela.

Assol nikdy nebyvala tak daleko v lese. Byla zcela pohlcena touhou polapit hračku a nedívala se kolem. Assol téměř ztratila z dohledu nachovou záři plachet, znovu je však zahlédla, jak důstojně a neodvratně prchají. Ohlédla se. Pestrost mohutných lesních stromů holčičku omráčila. Assol na okamžik zatrnula, znovu si však vzpomněla na hračku, několikrát vypustila hluboké „f-f-u-uu“ a rozběhla se ze všech sil.

Ta marná a rozčilená honička trvala asi hodinu. Najednou Assol spatřila s úžasem, ale i s úlevou, že se stromy rozestupují. Před ní se leskl modrý pruh moře, oblaka a okraj žlutého písčitého srázu, na který vyběhla.

Infinitivní vazby se také často používají po slovesech, která vyjadřují žádost, prosbu, radu, rozkaz, přání, snahu. Do češtiny se podobné věty překládají vedlejší větou se spojkou *aby*.

Она **старалась не терять** из вида красивый треугольник парусов.

Snažila se, aby neztratila z dohledu krásné trojúhelníkové plachty.

Я **попрошу** её вам **помочь**.

Poprosím ji, aby vám pomohla.

Ручей пропал во встречной морской волне. С невысокого, изрытого корнями обрыва Ассоль увидела, что у ручья, на плоском большом камне, спиной к ней, сидит человек и держит в руках сбежавшую яхту.

Он рассматривал её с любопытством слона, поймавшего бабочку. Ассоль немного успокоилась, что игрушка цела, сползла по обрыву, близко подошла к незнакомцу и уставилась на него изучающим взглядом. Но неизвестный так погрузился в созерцание лесного сюрприза, что девочка успела рассмотреть его с головы до ног: подобных людей ей видеть ещё ни разу не приходилось.

Перед ней был Эгль, известный собиратель песен, легенд, преданий и сказок. Седые кудри выпадали из-под его соломенной шляпы. Серая блуза была заправлена в синие брюки, и высокие сапоги придавали ему вид охотника. Белый воротничок, галстук, пояс, трость и сумка выказывали горожанина. Ассоль рассмотрела его лицо: нос, губы и глаза, которые выглядывали из лучистой бороды и пышных усов. Глаза были серые, как песок, и блестящие, как чистая сталь, с взглядом смелым и сильным.

– Теперь отдай мне, – несмело сказала девочка. – Ты уже поиграл. Ты как поймал её?

Эгль поднял голову и уронил яхту – так неожиданно прозвучал взволнованный голосок Ассоль. Старик с минуту разглядывал её и улыбался. Стиранное много раз платье едва прикрывало до колен худенькие, загорелые ноги девочки. Её тёмные густые волосы сбились под кружевной косынкой. Каждая черта Ассоль была выразительно легка и чиста, как полёт ласточки. Тёмные грустные глаза казались несколько старше лица. Полуоткрытый маленький рот блестел кроткой улыбкой.

Potok mizel v první mořské vlně. Z nízkého, kořeny rozrytého útesu Assol uviděla, že u potoka na velkém plochem balvanu sedí zády k ní muž a v rukou drží uprchlou jachtu.

Prohlížel si ji jako zvědavý slon, který chytil motýla. Assol se trochu uklidnila, že je hračka celá, sešplhala po srázu, přistoupila k cizinci blíž a zkoumavě se na něj zadívala. Neznámý muž byl však tak zabrán do prohlížení lesního překvapení, že si ho dívka zatím stihla prohlédnout od hlavy až k patě: podobné lidi v životě neviděla.

Před ní byl Egel, známý sběratel písní, legend, pověstí a pohádek. Šedivé kadeře mu vypadávaly zpod slaměného klobouku. Šedivá blůza byla zastrčena do modrých kalhot a vysoké boty mu dodávaly vzhled lovce. Bílý límeček, vázanka, opasek, hůl a tlumok prozrazovaly, že je to člověk z města. Assol si prohlédla jeho tvář: nos, ústa a oči, vyhlížející z nádherného, křovinatého plnovousu a bujného kníru. Oči byly šedé jako písek a lesklé jako čistá ocel, s pohledem odvážným a přímým.

„Tak už mi to vrať,“ řekla holčička nesměle. „Už sis pohrál dost. Jak jsi ji chytil?“

Egel zdvihl hlavu a upustil jachtu – tak nečekaně zazněl Assolin rozrušený hlásek. Stařec si ji asi minutu prohlížel a usmíval se. Seprané šatečky sotva sahaly ke kolínkům dívčích hubených a opálených nohou. Její tmavé a husté vlasy se uvolnily zpod krajkového šátku. Každický Assolin rys byl výrazně jemný a čistý jako let vlaštovky. Tmavé smutné oči se zdály poněkud starší než tvář. Pootevřená malá ústa se třeptila krotkým úsměvem.

V ruštině se hojně používají tzv. **zpodstatnělá přídavná jména**. Můžeme mluvit o částečném nebo úplném zpodstatňování přídavných jmen. V prvním případě se jedná o taková slova, která se už jako přídavná jména nepoužívají (*портной – krejčí, приданое – věno*), ve druhém případě se slovo běžně používá jako přídavné i jako podstatné jméno, např. *неизвестный документ (peznámý dokument) – неизвестный (peznámý člověk)*.

– Клянусь Гриммами, Эзопом и Андерсеном, – сказал Эгль. – Это что-то особенное. Это твоя игрушка?

– Да, я за ней бежала по всему ручью; я думала, что умру. Она была тут?

– У самых моих ног. Яхта была выброшена на песок между моей левой пяткой и концом палки. – Он стукнул тростью. – Как зовут тебя, крошка?

– Ассоль, – сказала девочка после того, как спрятала в корзину игрушку, которую Эгль ей подал.

– Хорошо, – продолжал непонятную речь старик. А в глубине его глаз поблескивала усмешка. – Мне, собственно, не надо было спрашивать твоё имя. Хорошо, что оно так странно, так музыкально, как свист стрелы или шум морской раковины. Тем более я не желаю знать, кто ты, кто твои родители и как ты живёшь. Я сидел на этом камне и занимался сравнительным изучением финских и японских сюжетов... как вдруг ручей выплеснул эту яхту, а затем появилась ты... Такая, как есть. Я, милая, поэт в душе – хоть никогда не сочинял сам. Что у тебя в корзинке?

– Лодочки, – ответила Ассоль, – потом пароход да ещё три таких домика с флагами. Там солдаты живут.

– Отлично. Тебя послали продать. По дороге ты занялась игрой. Ты пустила яхту поплавать, а она сбежала – ведь так?

– Ты разве видел? – с сомнением спросила Ассоль. Она нахмурила брови, потому что с усилием старалась вспомнить, не рассказала ли она это сама. – Тебе кто-то сказал? Или ты угадал?

– Я это знал. А как иначе? Ведь я – самый главный волшебник.

Ассоль вдруг испугалась. Пустынный морской берег, тишина, приключение с яхтой, непонятная речь старика с величественной бородой стали казаться девочке непонятным и пугающим.

Ruská spojka **да** může být:

▪ slučovací (můžeme ji nahradit spojkou **и**) :

У Ассоль в корзинке были лодочки, пароход **да** (=и) ещё три домика с флагами.

▪ odprógovací (můžeme ji nahradit spojkou **но**):

Ассоль послали продать лодочки, **да** (=но) по дороге она занялась игрой.

Toto je pouze náhled elektronické knihy. Zakoupení její plné verze je možné v elektronickém obchodě společnosti eReading.